

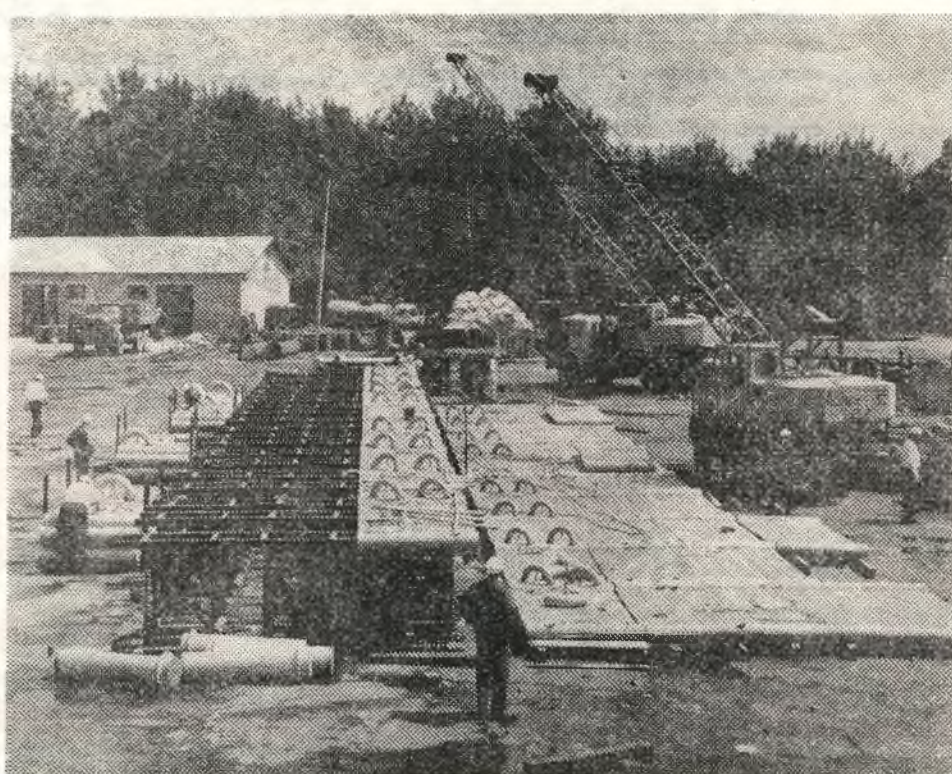
Этот телефонный звонок, честно говоря, поставил нас в неловкое положение. «Как же так, — возмущался голос в трубке, — газета взялась обсуждать дальнейшую судьбу «Саркофага», но не удосужилась обратиться к тем, кто непосредственно занимается его обслуживанием!» Крыть, как говорится, было нечем, и наш корреспондент отправился на предприятие «Объект «Укрытие», здание управления которого расположено в 10-километровой зоне ЧАЭС, а рабочие места персонала — на разрушенном блоке.

Наша справка: предприятие «Объект «Укрытие» в нынешнем виде создано в 1990 году и является подразделением ПО «Чернобыльская АЭС». Основными задачами предприятия является безопасная эксплуатация объекта и его консервация, продолжение дезактивации оборудования станции и промплощадки, проведение дезактивационных работ и создание безопасных условий проживания в Славутиче и ретроспективный анализ доз облучения, полученных участниками ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в 1986 году.

Разговор с работниками предприятия «Объект «Укрытие» поначалу получался горячим, интересным, но несколько сумбурным. Была в нем искренняя заинтересованность, проскальзывала обида на невнимание... Затем все вошло в более-менее спокойное русло и основные соображения по обсуждаемому вопросу стал высказывать начальник отдела сопровождения научно-исследовательских работ А. П. ГОРОХОВ. Беседу с ним, а она во многом отражает общее видение проблемы других участников разговора, я и предлагаю вниманию читателей. (Хотя вначале это был скорее монолог, мне даже слово трудно было вставить).

— В настоящее время судьбой объекта «Укрытие» обеспокоены все: общественность, ученые, специалисты-атомщики и, конечно же, мы, люди, работающие непосредственно на объекте. После аварии прошло уже пять лет, а, как известно, «Саркофаг» был построен в самые короткие сроки, в сложнейшей обстановке и безальтернативно, все делалось «с колес». Сейчас судьба объекта «Укрытие» рассматривается с другой точки зрения. Он должен стать долговременной, экологически безопасной системой. Это значит, что он должен быть безопасен для населения, окружающей среды и персонала, который его обслуживает.

Технико-экономическое обоснование (ТЭО) преобразования объекта «Укрытие» в такую систему подготовил ВНИПИЭТ. В ТЭО, представленном этим коллективом, рассмотрено несколько вариантов: «Арка», «Холм», промежуточное омоноличивание и «Зеленая лужайка». Для обсуждения и экспертизы ТЭО было направлено на предприятие «Объект «Укрытие», Академии наук УССР, различным политическим и экологическим организациям Украины, в союзные органы. В Минатомэнергопроект СССР по этому ТЭО, а также по предложениям Научно-исследовательского конструкторского института энергетических технологий (НИИЭТ), ПО «Спецатом», атомщиков из Семипалатинска, а также по другим мнениям, связанным с дальнейшей судьбой объекта «Укрытие», было проведено совещание. Все материалы были тщательно проработаны. Надо ска-

СО МНОГИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ

зать, что в представленных предложениях наряду с рациональными идеями многое было, на мой взгляд, на уровне прожектерства.

Уже в ходе рассмотрения ТЭО и других предложений стало ясно, что однозначно решать судьбу объекта «Укрытие» невозможно. Проблема эта настолько сложна и имеет столько аспектов, что однозначный подход, скажем, превратить его в бетонный куб или возвести «Укрытие-2» — «Арку», невозможен. Все находящееся внутри объекта еще нуждается в исследованиях. Так, топливосодержащие массы в большинстве своем обнаружены, но имеются еще и неисследованные части зданий и помещений, в которых подозреваются наличие таких масс. Нас заверяют в том, что объект ядерно безопасен. И с этим можно согласиться, поскольку за пять прошедших лет никаких эксцессов не было. Но все процессы, которые сейчас происходят в разрушенном блоке, нуждаются в дальнейшем изучении. Те же топливосодержащие массы сейчас растрескиваются, появляются растворимые соли урана. Сейчас приступили к исследованию этих процессов.

Еще один аспект — это влияние мощного гамма-излучения на строительные конструкции. Или, еще, появление окисляющих радикалов. Вытует мнение, что объект дал трещины. Это не так. Технологические щели бы-

ли предусмотрены проектом. Но дело в том, что через эти щели проникают внутрь объекта «Укрытие» атмосферные осадки. А вода — она всегда являлась нежелательным компонентом в хранилищах ядерного топлива. Хотя надо заметить, что хранилищем топлива этот объект ни в коем случае назвать нельзя, никаким нормативам он не соответствует. Вот и получается, что неясно, как обращаться с ним: как с хранилищем, как с сооружением другого назначения?

Но, тем не менее, сейчас объект находится под контролем. Я не хочу утверждать, что контроль этот всеобъемлющий, но определенная информация, по которой можно судить о процессах, происходящих внутри объекта «Укрытие», имеется и мы можем реагировать на них.

Преобразование этого объекта в долговременную безопасную систему имеет много аспектов. Надо решить проблемы ядерной и радиационной безопасности, предотвратить обрушение. В настоящее время объект — это остатки здания после взрыва. Разрушены и повреждены строительные и опорные конструкции, крыша. Обследовать их из-за сложной радиационной обстановки трудно. Внутри объекта происходит обрушение конструкций и от этого не уйти. Как дальше пойдет этот процесс? Мы стараемся обеспечить контроль за строительными конструк-

циями, увеличить их устойчивость. А проблемы пожарной безопасности? Надо отметить, что все эти проблемы не нашли достаточного отражения и решения в ТЭО и других предложениях. Это мое личное мнение.

Проблемы гидрогеологии. Если сделать из объекта просто бетонный куб, то как поведут себя почвы под ним, получив дополнительную огромную нагрузку? Нужны исследования. А как разбить потом бетонный куб, который будет включать в себя топливосодержащие массы, как быть с ними?

Я еще раз хочу подчеркнуть, что проблема преобразования объекта «Укрытие» в экологически безопасную систему очень сложна.

— А что же решили на совещании в министерстве?

— Рассматривали все варианты. Склонялись к промежуточному омоноличиванию. Сейчас производятся подготовительные работы, разрабатываются проекты. Но окончательного решения нет. Я считаю, что любой проект, любое предложение, прежде чем его реализовать, должно пройти экспертизу вплоть до международной. Потому что состояние этого объекта, его влияние на окружающую среду затронет не только Пolesье и Украину, но может затронуть и весь мир.

— Как Вы думаете, сколько времени у нас есть для раздумий и подготовки к преобразованию

объекта «Укрытие»?

— По моему мнению, лет пять — семь у нас еще есть, даже если «Саркофаг» совсем не трогать.

— Ну а если произойдет землетрясение, которое предсказывают некоторые специалисты?

— Оно, конечно, внесет свои поправки. Но мы ведем геофизические исследования, думаем либо подтвердить, либо опровергнуть прогноз о сильном землетрясении. В этом плане контроль строительных конструкций, их укрепление носят актуальный характер.

Кстати, заливка объекта бетоном от землетрясения не спасет. Ведь атомная станция — это единый взаимосвязанный организм, в том числе и с разрушенным четвертым энергоблоком. Если уж вести разговор об омоноличивании объекта «Укрытие», то только при условии остановки всей станции.

— Что предусматривает промежуточное омоноличивание?

— Это означает поэтапное заполнение бетоном помещений и объемов объекта. Сначала раскрепляется «Елена», то есть заполняется бетоном шахта реактора и подреакторные помещения. В дальнейшем заполняются помещения, окружающие шахту реактора, и в итоге объект будет заполнен бетоном весь. То есть, тот же бетонный куб не контролируемый. В вопросе невозможности контроля и наблюдения при этом ва-

рианте, я солидарен с работниками комплексной экспедиции Института атомной энергии имени И. В. Курчатова, которые выступили в печати, в частности, в «Труде». Другие их опасения я не разделяю, считаю преувеличенными.

— Значит, Александр Павлович, Вы не допускаете возможности самопроизвольного образования критической массы и ядерного взрыва?

— Что такое атомная бомба? Это мощная оболочка, которая держит критическую массу в определенном объеме какую-то долю секунды, чтобы прореагировало как можно больше топлива. И тогда — взрыв. В нашем случае в бетонном монолите в какой-то полости могут скопиться соли урана. При этом начнется разогрев, который будет разрушать бетон, появятся трещины, щели и все равно будет куда-то уходить растворенный уран. В этом случае может быть пассивный всплеск, но взрыва не будет.

— Существует мнение, что проект омоноличивания развала четвертого энергоблока и объекта «Укрытие» проталкивается для того, чтобы скрыть причины и последствия аварии. А Вы как думаете?

— Говорить о том, чтобы Минатомэнергопром решил замести следы Минэнерго, Минатомэнерго или Минсредмаша оснований нет. Зачем им это? Тем более, что замести следы — это значит оставить нашу атомную энергетику слепой перед возможностью аварии. Ведь они бывают разные, скажем, расплавление топлива в активной зоне. Выхода радиоактивности в окружающую среду может и не быть, но сам механизм образования расплавленных масс и их миграции нам останутся непонятными. И нигде и никогда мы не сможем получить ответ на этот вопрос, если сейчас зальем блок бетоном.

— Вы говорите о целесообразности, а я о сокрытии следов деформации мировой общестественности.

— Нет, никакого сокрытия следов здесь не просматривается ни в коей мере. Да и следов там нет. Шахта реактора выгорела, систем не осталось, замечать практически нечего.

Юрий ДРОНЖКЕВИЧ, корр. газеты «Вестник Чернобыля».

Фото Владимира САВРАНА.